

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Абель И. Старцев

**Русские блокноты Джона
Рида**

Джон Рид

**Десять дней,
которые потрясли мир**

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84(2)

Перевод с английского А. И. Ромма

Старцев, А. И., Рид, Д.

Русские блокноты Джона Рида. Десять дней, которые потрясли мир: Сборник / А. И. Старцев, Р. Джон; [пер с англ. А. И. Ромма]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2021. – 634 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74757-3

В сборнике опубликованы исторические свидетельства первых лет жизни социалистического государства, так называемые «Русские блокноты» и знаменитые «Десять дней, которые потрясли мир» американского журналиста Джона Рида. Российский филолог и переводчик Абель Исаакович Старцев исследовал пролежавшие полвека в американском архиве блокноты журналиста и по сути летописца первых дней Октябрьской революции в Петрограде 1917-го года. Эти неизвестные записи, а также воспоминания жены Рида, Луизы Брайант, его друзей и знакомых позволили воссоздать облик автора «Десяти дней, которые потрясли мир».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84(2)
BIC FV
BISAC FIC014000

ISBN 978-5-521-74757-3

© Т8 RUGRAM, 2021
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021
© Текст. А. И. Старцев,
наследники, 2020

Абель И. Старцев

РУССКИЕ БЛОКНОТЫ ДЖОНА РИДА

ОТ АВТОРА

Давно было известно, что существуют русские блокноты Джона Рида; записи, которые Рид вел осенью 1917 года, когда он стал свидетелем и участником «десяти дней, которые потрясли мир»; и другие, относящиеся к следующему его приезду в Россию в 1919–1920 годы, уже при утвердившейся советской власти.

Вот эти блокноты — в фотокопии — перед нами. Иные из них в отличной сохранности, даже пронумерованные Ридом. Другие сохранились частично. А есть и россыпь недатированных, нумерованных листков, с ветхим краем, с оборванными углами.

Часть записей сделана чернилами, четким, бисерным почерком, как видно, за столом в гостиничном номере. Но больше таких, где почерк неразборчив, строка насккивает на строку и буква на букву, слова сокращены как попало, подчас самым загадочным образом. Это беглые заметки, сделанные наспех и на ходу, на улице, на митинге или в поезде, закованной рукой, тупым, давно не чиненным карандашом. Для самого Рида его записи были родом стенограммы, которую он,

без сомнения, легко расшифровывал на другой день, под живым еще впечатлением увиденного. Исследователю, обращающемуся к его блокнотам через четыре с лишним десятилетия, каждую вторую или третью строку приходится брать «с бою», вчитываясь, раздумывая, гадая.

Всего здесь около семисот блокнотных страниц, заполненных рукой Рида.

Русские блокноты Джона Рида представляют тройной интерес.

Это историко-революционный документ уникального значения, журналистские записи, принадлежащие непосредственному наблюдателю дней Великого Октября и первых дней советской власти.

В блокнотах Рида — важный материал для творческой истории «Десяти дней, которые потрясли мир», как бы основа его знаменитой книги. Здесь и тот материал, который должен был послужить для другой, незавершенной его книги «От Корнилова до Брест-Литовска».

Наконец, блокноты Рида — неоценимый источник для истории русских лет этого выдающегося человека, одного из первых писателей-коммунистов на Западе.

Как получилось, что судьба Джона Рида, выходца из американской буржуазной среды, воспитанника «аристократического» Гарвардского университета, быстро идущего в гору, талантливого нью-йоркского журналиста, так тесно переплелась с историей Октябрьской революции?

Ответ на это — в тех тенденциях общественного развития, которые формировали жизнь и взгляды передовых представителей западной интеллигенции в начале нашего века.

Знакомство с биографией Рида показывает, что за последние пять-шесть лет, предшествовавшие социалистической

революции в России, он неуклонно шел к разрыву с миром капитализма.

Стачки и классовые бои 1910-х годов в США положили начало связям Джона Рида с рабочим классом и пробудили интерес к революционной социалистической теории. Рид лично знакомится в эти годы с боевыми лидерами американского пролетариата — Вильямом Гейвудом («Большим Биллом»), Элизабет Герли Флинн и другими. В написанной весной 1917 года, чрезвычайно содержательной, по-ридовски прямодушной биографии Рид так говорит об этом периоде своей жизни:

«Стачка¹ беспощадно показала мне, что фабриканты выжимают из рабочих все, что могут, платят им как можно меньше и способствуют накоплению огромной массы безработных, чтобы снижать заработную плату. Я понял также, что вся мощь государства — на стороне имущих и обращена против неимущих»².

О своих новых знакомых — рабочих вождях — он тогда же писал: «...меня увлекла их близость к трудовому человеку, революционность их мысли, смелость мечты...»

Рид-писатель ознаменовал свое участие в американском рабочем движении статьями о крупнейших американских стачках этих лет, которые он близко наблюдал. Статьи носят характерные названия — «Война в Паттерсоне», «Война в Колорадо»; Рид рассматривает выступления рабочих как войну против капиталистов. Однако он видит подавляющую силу имущих классов, и поражения рабочих удручают его.

¹ Речь идет о стачке текстильщиков в Лоуренсе в 1913 году. — А. С.

² Этот автобиографический очерк «Almost Thirty...» — «Почти тридцать...» (Риду в 1917 году пошел тридцатый год) долгое время пролежал в бумагах Рида; опубликован в американском журнале «New Republic» в апреле 1936 года.

Следующей ступенью в идейном развитии Рида было его участие в крестьянской революции в Мексике в 1913 году. Он отправился в Мексику в качестве корреспондента либерального американского журнала «Метрополитен» и прошел с революционной армией Франсиско Вилья долгий путь, подвергаясь лишениям и опасностям.

В Мексике Рид впервые пришел в близкое соприкосновение с массами, поднявшимися на защиту своих жизненных интересов, увидел, как побеждает восставший народ, и с радостью почувствовал, что он, Рид, может жить и действовать, не отделяя себя более от народа, идти с ним плечо к плечу.

Он пишет об этом в той же автобиографии:

«Когда я пересек границу, тяжкий страх сковал мне сердце. Я боялся, что буду убит, изувечен, боялся этих чужих мне людей, ни мыслей, ни речи которых я не понимал... Но я открыл для себя, что пули не так страшны, что страх смерти не столь важная штука и что эти мексиканцы удивительно близкие мне люди. Четыре месяца, проведенные в седле... с товарищами... в битве и в веселье, были, быть может, самым счастливым временем в моей жизни».

Литературным итогом мексиканской экспедиции Рида была выросшая из журнальных корреспонденций блистательная книга «Восставшая Мексика» (1914). Она принесла ему известность и литературное признание.

Новым важным этапом в идейном развитии Рида были события первой империалистической войны. Рид — на переднем крае мировых событий. Дважды, в самом начале войны и еще раз в 1915 году, он объезжает окопы и тылы воюющих держав (во время второй поездки он пробыл полтора месяца в царской России). Фронтные впечатления Рида, его статьи этих лет, работа над книгой военных очерков «Война в Восточной Евро-

пе» (1916) во многом завершили его формирование как выдающегося писателя-журналиста.

В то же время это были годы раздумий.

Он был убежденным противником империалистической войны, неисчислимы страдания, принесенные войной, ужасали его; он знал, что война ведется во имя интересов имущих классов; и он не видел пути побороть ее, положить ей конец.

Его отчужденность от буржуазной цивилизации все возрастала; Рид готов был принять самое полное ее отрицание; все более он ощущал это не только как историческую необходимость, но и как глубокую внутреннюю потребность, достигавшую временами остроты духовного кризиса.

В 1916 году Рид, делясь своими планами, сказал другу, что отныне не будет писать ничего, что не выражало бы его ненависти к капитализму и не шло бы на пользу делу социализма. Когда после тяжелой операции (ему удалили почку), Рид был освобожден от военной службы в США, он сказал: «Увечье освобождает меня от призыва к национальной войне, но я готов к действительной службе в классовой войне».

Мужественная борьба Рида в 1916–1917 годы против империалистической пропаганды и военной истерии в США давала некоторый выход его жажде действия. Однако отсутствие революционного единства в американском рабочем классе и вызванный социал-патриотическим предательством раскол в мировом социалистическом движении обескураживали его, подрывали его веру в освободительную миссию пролетариата.

Эти идейные трудности Рида тоже нашли выражение в его автобиографии.

«Всем сердцем я стремлюсь, — писал Рид, — чтобы пролетариат поднялся и вырвал силой свои права, — я не знаю, как иначе он может их добиться... Но я не уверен теперь, что рабо-